

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

Н.В. Хомук

ПОЭЗИЯ У. УИТМЕНА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Томский государственный университет

Все поэтическое наследие Уитмена уместилось в одну книгу «Листья травы» (Leaves of Grass). Книгу составляют 12 циклов и 2 приложения. От издания к изданию Уитмен неизменным оставлял лишь название. В каждом следующем издании (автором их было подготовлено девять) сохранялись стихи из предыдущих, хотя некоторые перерабатывались, добавлялись другие, менялось их соотношение (возникали новые циклы, стихи меняли свое местоположение) – т.е. книга «росла» как живая форма (как «трава»), соразмерно росту личности и мира.

«Сознание, раскрывающееся в “Листьях травы”, – это обобщенное романтическое сознание, типичное для Америки середины XIX в. В нем отразились трансценденталистские идеи “доверия к себе”, духовной независимости, божественности человеческого “я”, природного равенства людей и пантеистического приятия жизни; глубокий отклик нашли и идеи утопического социализма, страстность аболиционистских убеждений и вера в торжество Демократии» [1, с. 278].

Но, несмотря на детальнейшее рассмотрение, соотношение романтизма и реализма, социологического и мистического начал, трансценденталистских влияний, Уитмен «продолжает быть загадочным, сенсационным, нераскрытым» [2, с. 82]. С одной стороны, творчество художника занимает особое место в литературном процессе (романтизм-реализм), с другой стороны, творческая индивидуальность реорганизуется в себе более широкий спектр эстетических воздействий и заново из себя их разворачивает, не укладываясь в задаваемый извне ранжир.

Последнее время исследователей Уитмена привлекает контекст «движения западноевропейской поэзии XIX в. от романтизма к символизму», за которым стоит «преобразование типа лирической рефлексии из традиционно-рационалистического в феноменологический (эмпирико-интуитивистский)» [3, с. 5]. Традиционно-рационалистическая рефлексия (или эйдетическая поэтика, мифо-риторическая культура) ориентируется на *эйдос* как образное выражение изначальной трансцендентной ценности, вестником которой традиционно высту-

пал Поэт. Принципиально, что понятия «Поэт» и «поэзия» редко упоминаются в тексте Уитмена. У него – ПЕСНИ, ГОЛОС, КНИГА, т.е. живое самовыражение существующего. Наблюдается редукция идеального критерия (эйдос), по которому прежде рассматривалось явление. Но это и не реальность сама по себе. Произведение устанавливает (или через него устанавливаются) новые отношения между миром и Я. Оно не результат (продукт) этих отношений, а их онтологическая модель. «Стихи – это органы производства чувств, когда поэт создал что-то, чтобы испытать. Причем испытать уже чувственно, вполне природно. Но само это испытание природным образом произойти не могло» [4, с. 248–249].

«Листья травы» как поэтическая форма автобиографии – это самопорождение Я через текст (обычно текст – выражение сознания или позиции Я в мире). Персоналистический смысл бытия, живым выражением которого становится книга, устанавливается на новых основаниях. Уитмену важно показать взаимообусловленное развитие (рост) мира и личности. Как отмечал Г.С. Кэнби, «книга росла, вбирая силу и мастерство автора, совсем как человеческий организм» [5, с. 563]. Рост здесь – особая форма выражения явления, которое развертывается, само себя показывает, подобно феномену, который «абсолютно изъясляет самого себя» (Ж.-П. Сартр). В связи с такой актуальностью пребывания или присутствия важным становится как в американском трансцендентализме, так и в поэзии Уитмена *настоящее время*.

Настоящее есть присутствие, которое само удостоверяет. Категория времени не актуальна для неизменной эйдической картины мира. У американских трансценденталистов «настоящее» – точка пересечения *всего времени* в его трансцендентном потенциале; это знак здесь и сейчас свершающегося универсума, который через *время* движется, «поднимается» к себе как идеальной форме Абсолюта. Такое преимущество «настоящего» перед прошлым и будущим – в Я, которое его и актуализирует. «Настоящее» для Уитмена – это всегда на-

чало. Мир воспринимается в состоянии зарождения. Я через свое восприятие не просто трансцендентно реконструирует мир («просвечивает» в нем Истину), а рождает, «взвихряет» мир. Этому принципу рождения и динамизма соответствует и поэтическая форма. «Сами стихотворения, по мнению Уитмена, должны передавать состояние природного, жизненного движения и роста. И вся его книга в своем построении, в полифонии мотивов также подобна природному организму» [2, с. 120]. Виденье Уитмена – непрерывное рождение (в каждой строчке), поэтому это не только сумма образов, но и шаг времени в каждой строчке.

Для онтологического статуса образов Уитмена основополагающим является пространство. Прежде всего, «уитменовская вселенная не хаос, но «космос» в значении, близком к тому, какое вкладывали в это слово греки» [6, с. 30].

*Я не чванный, я на своем месте.
Моль и рыба икра на своем месте,
Яркие солнца, которые вижу, и темные солнца, которых
не вижу, – на своем месте,
Осязаемое на своем месте, и неосязаемое на своем месте* [7, с. 63].

«Место» здесь – это, казалось бы, и место в пространстве (горизонталь) и ценностное место (вертикаль). Однако порядок, космос выстраивается не от ценности отдельного (эйдос), а от общей согласованности, востребованности, участия, полагания. «Место» здесь не что-то внешнее по отношению к вещи, а то, что проистекает из вещи, из ее открытости бытию. Пространство предуготовлено живому, оно предрасположено ему.

Общность выстраивается через пространственные связи всего многообразия мира, но это наращивание приходит к собственному (по отношению к пространству) первоначалу (изначальности), визуализирует его (материализует), делает ощутимым через принцип кумуляции («Я пою песнь расширения и гордости» [7, с. 66]). Расширение в самой эстетической форме не уводит, а особым образом приводит к первоначалу. Феномен как точка, из нее векторы ее активности (солнце, а от него – лучи; корень, а из него в стороны ростки); чем больше их, тем больше потенцированность точки, ее визуализация.

В пространстве как таковом – изначальное житие, источник движения и возникновения всего. Поэтому оно расширяется, оно направленно, оно пульсирует (образное выражение этих динамичных векторов в книге – «дорога», «море», «трава»). Пространство как поток всеобщего (см. «На Бруклинском перевозе»). Пространство – это укоренность отдельного, живая аура, избыточность самой этой принимающей вместительности. Уитмен

показывает феномен пространства, который в эмпирической реальности мы не ощущаем, как не ощущаем воздух:

*Я думаю, здесь в воздухе разлито счастье и поджидает
каждого во все времена,
А теперь оно льется в нас, и мы полны им до краев.
Здесь-то и возникает в нас нечто влекущее* [7, с. 147].

Другой аспект: пространство, которое реорганизуется отдельным явлением (вещью); отдельное несет в себе *Пространственность*: «Как листья растут из деревьев, а деревья растут из земли, так и они (Штаты) растут из вас» [7, с. 195]. *Пространственность* – это пространство, маркированное индивидуальностью, вырастающее из отдельного явления. Это и в «Песне о топоре». Или, например, в «Песне большой дороги»: дорога как внешний пространственный топос (располагающийся внутри пространства); дорога – символ пространства в движении. Но изнутри образа вырастет иное пространство (феномен): дорога – живое тело не только благодаря шагающему по ней Я, но и тому, что дорога вбирает живое, сохраняет его, пульсирует живым («Много прикосновений вы впитали в себя и тайне передаете их мне» [7, с. 144]. «Художественный “предмет”, возникающий из так понятого стиля будет не отражением, а самим чистым “феноменом” стиха, песни, моря или дороги – он не просто говорит о них, он ими становится» [8, с. 286]. Таков предмет, который изображает Уитмен и который не является ни чем-то только вещественным, ни чем-то только невещественным. Это касается и соотношения мира и книги: «Слова моей книги – ничто, ее стремление – все» [7, с. 37].

*“Тихий паук”
Такой тихий паук,
Я заметил, он одиноко висел на единственной нити,
Заметил, как оценивал он свою свободу окрест,
Из себя испуская за нитью нить, за нитью нить,
Распуская их вечно вниз, все быстрее сплетая сеть.*

*И ты, о моя душа, там, где ты одинока,
И окрест тебя безмерное море простора,
И вечно ты оцениваешь свою свободу, рискуя, отыскивая
сферы, чтобы сомкнуть их,
До тех пор, пока мост, который нужен тебе, не будет
построен,
До тех пор, пока твоя нить не затянется где-то, о моя
душа* [7, с. 381].

Индивид – точка пересечения пространственных стремлений, его свобода, деятельность, самопорождение смыкает пространственную дискретность, пространство неоднородно, но оно становится еди-

ным. Такой же принцип – «Корни и листья сами всегда одиноки» (ср. «одиноким паук»). Что это за одиночество? Уединение, самодостаточность, автономная первоначальность, заново производящая из себя окружающее, но и драматизм, который и вызывает у отдельного явления стремление *быть*, исходящее из него самополагание; порывистость, самоустановление, укоренение, чтобы сплестись с окружающим. Предстояние *перед* («*всегда одиноки*») и отражает внутреннюю избыточность индивидуального полагания отношения, которое и рождает все это звенящее богатство, а не только слепая витальность (субстанциальность), которая увлекает, захватывает собой все отдельное. Подобная реорганизация общего через *феномен* – в стихотворениях: «Искры из-под ножа», «Однажды, когда я проходил городом», «Из бурлящего океана толпы» и др.

В поэтическом образе Уитмена парадоксально соотносятся, с одной стороны, мифориторическая условность, а с другой – несомненная и бесконечно значимая реальность (утверждающаяся на новых основаниях). Явление – точка бытийной полноты, из этой точки интенции и векторы бытия выказываются по-новому. Образ транслируется как феномен, в котором имманентно соединяются реальность и представление. Все в мире – образы (стихотворение «Образы»). «Мир как набор образцов: образцы (specimen) и представляют собой нечто единичное, замечательное, какие-то части, которые невозможно свести к целому, которые выделяются из обычных серий. <...> При этом необходимо, чтобы отрывки, примечательные части, положения или виды добывались силой особого акта, который как раз и заключается в письме» [9, с. 82]. «Слова моей книги – ничто, ее стремление – все» [7, с. 37].

«Но если верно, что отрывок повсюду, что он дан самым непосредственным образом, то целое или нечто аналогичное целому все равно должно быть обретено или даже изобретено. <...> Но когда Уитмен говорит в свойственной ему манере, в своем стиле, становится ясно, что нечто целое еще только предстоит построить, и это тем более парадоксально, что целое появляется после отрывков, не затрагивая их и не претендуя на то, чтобы их в себя включить» [9, с. 83].

Целое строится через некаузальные отношения. Совершается преодоление рационалистического видения мира (каузальные связи) и выход на особого рода неосинкретизм. Помимо основного, принципы кадастра, выражающего этот синкретизм через кумуляцию, в поэзии Уитмена целое означено через импрессионистические моменты, на которые указывала Н.А. Абиева [10, с. 32] («*То слушая смутные зовы, отзвуки, отклики, вздохи*» [7, с. 221]).

«*Тени, отсветы сквозь дымку, на колокольне, на крышах, там, за две мили отсюда*» [7, с. 316]. Ху-

дожник пронизан, проникнут универсумом. Состояние внутреннего затопления и погружения. Нюансы (оттенки, переливы, отзвуки и пр.) опровергают общепонятную данность явлений, ограниченность объектов, создают живую субъектно-телесную их вибрацию; единство не эмпирическое и не символическо-метафизическое, в особых случаях выражаемое в «Листьях травы» феноменом *электрического*.

Поэтика Уитмена пытается (не всегда успешно) опираясь на традиционные риторические формы) феноменологически реконструировать восприятие. Трансцендентальный принцип изначального отражения «сверхдуши» и в природе и в человеке для Уитмена открывал дорогу иным состояниям уже не духовного, а субстанционального единства *Я* с миром. *Я* трансценденталистов – духовный арбитр, *Я* Уитмена – мембрана нерасчлененного материально-духовного единства:

Сквозь меня так много немых голосов... <...>

Голоса разврата, очищенные и преображенные мною

[7, с. 69].

Личность вступает в материально-живительное коловращение мира, своим телесным существом постигая избыточность его творческих потенций; «трансцендентное сознание» заслоняется *состоянием* (ощущением, почти плотского характера). Чувственное не только как реакция *на*, но и действие самих вещей изнутри *Я*: они находят себя в *Я*, в его телесно-духовной сфере, и тогда обретается истинное единство, гармония жизни, не снимающая ее противоречий. Человек внутри себя становился моделью материально-духовных экстазов и коллизий творящего, расширяющегося бытия. Артистизм в случае Уитмена – не углубление в индивидуальную уникальность, а попытка вместить и укрупнить переживание мира в таком его объеме и качестве, которое в обычных условиях невозможно.

Состояния, возникающие через *слух, зрение, касание*, имеют самостоятельное значение. Уитменом снимается релятивность пространственно-мускульных состояний, они актуализируются как онтологические симптомы, что, например, отражено в 24–28 частях «Песни о себе»: «*Слух, осязание, зрение – вот чудеса*» [7, с. 69].

По-новому ощутить себя в мире и мир в себе позволяет феномен *тела и телесности*. «*Мое знание в моем живом теле, оно в соответствии со смыслом всего естества*» [7, с. 71]. Они придают миру новую конкретность и целостность. «Поэтическое “я” Уитмена... обладает способностью бесконечно перевоплощаться – и не только в других людей, но и в феномены природы, точно бы не существовало никакого барьера между естественной жизнью и кругом бытия человека» [1, с. 542]. Само-

сознающее Я не выделяет смысл, а вплетает себя как телесное-сознающее в поток жизни (через контакт с Я, становящийся индивидуально-телесным). «Ближе прижмись ко мне, гологрудая ночь, крепче прижмись ко мне, магнетическая, сильная ночь, вскорми меня своими сосцами!» [7, с. 66]. Отелеснивание не значит антропоморфизация. Важна обращенность феномена к человеку (тело, объятие, движение, звук и пр.). Импрессионистические по своей специфике оттенки, скрытые энергии – указание на еще не проясненную (и непроясняемую) связь мира-тела и Я. Тело в тексте, и через форму тела-текста, обретает сущность собственной телесности.

На этой основе устанавливаются особые отношения Я с другим (пример – «Из колыбели, вечно баюкавшей»). Живой феномен *другого* (море, птица) – природный участник драматического конфликта (отдельного и всеобщего): в своей отдельности он – зеркало Я, но в своей природности – отражение мира (гармонии единства, которая теряет свою однозначность, драматизируется и может быть восстановлена лишь в совместном движении Я, *другого* и мира, новых формах соотношения перед лицом Судьбы и предназначения (а не прежнего ценностного соположения как в «Песне о себе»). Снятие драматизма – уже не в субстанционально-витальном слиянии, а в более сложном, катарсическом по своей природе симфонизме отдельного и всеобщего.

Таким образом, *книга* – форма нового проективного единства мира и Я как выражение Судьбы. В этом аспекте Уитмен ориентировался на Библию: «...все ее истории, биографии, повествования и т.д. подобны нанизанным четкам и образуют вечную нить божественного предназначения и силы. И одной только глубочайшей верой в божественное предназначение явного и неосязаемого она (Библия) часто превосходит шедевры Эллады и все другие шедевры» [11, с. 1140].

К концу книги открываются предельные сферы бытия (и личности), по отношению к которым и

через которые трансформируются прежние позиции: пантеизм, индивидуация (голос *другого*). Голос не сам по себе, а от лица немого хора природы, ее глубокого драматического симфонизма («О глухой, грубый голос мятежного моря!»). Он претерпел и претерпевает свое онтологическое положение. Это путь возвеличения, чтобы стать внутренне больше того онтологического места, которое феномен занимает в бытии. Голос отражает и природу (субстанциональность), но и динамизм Души, голос – это и проекция Я (персональность которого уже определяется в слышании, собирании, следовательно, это тоже хоровое), и выражение драматизма бытия, все элементы которого откликаются на Я. Энергии (любовь, смерть, рост, пребывание, единство всего, святость) – все эти тона возводятся в степень онтологического, взрывчато выводящего наружу спрятанные в отдельном явлении потенции бытия, они получают свой особый статус, независимый от эмоционального состояния личности или этико-эстетической характеристики мира. Это проявление общего, преодолевающего отдельные (субъектные) диссонансы, это музыкальная форма смерти и гармонии; самообъективация единства Я и мира не изнутри их самих (как в «Песне о себе»), а со стороны мистического горизонта (бытия – небытия). «Он вначале, как дионисический художник, вполне сливается с Первоединым, его скорбью и противоречием, и воспроизводит образ этого Первоединого как музыку» [12, с. 63]. Но здесь уже не персоналистические тона самоустановления, поддержания отдельного. Жизнь как целое предстает не изнутри прежнего ее субстанционального единства с Я, а со стороны внешних образующих ее онтологических начал. Смерть, Музыка, Бог, как новые уже сюжетно-тематические принципы онтологии; они не от метафизического единства, а из глубины диалогического взаимовлияния Жизни и Книги, и они же – вне их.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М., 1982.
2. Павлычко С.Д. Философская поэзия американского романтизма. Эмерсон. Уитмен. Дикинсон. Киев, 1988.
3. Венедиктова Т.Д. Поэзия американского романтизма: своеобразие метода: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.
4. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000.
5. Кэнби Г.С. Уолт Уитмен // Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 1. М., 1977.
6. Венедиктова Т.Д. Поэзия Уолта Уитмена. М., 1982.
7. Уитмен У. Листья травы. М., 1982.
8. Теория литературы: В 2 т. Т. 2. М., 2004.
9. Делез Ж. Уитмен // Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.
10. Абиева Н.А. Уолт Уитмен: пророк и человек // Уитмен У. Листья травы. СПб., 2005.
11. Whitman W. The Bible as Poetry // Whitman W. Complete Poetry and Collected Prose. N.Y., 1982.
12. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб., 2005.